

фестиваль

Газета - 2004 - 23 июля - Ст. 1

Сделав средневековую авиньонскую церковь подобием Ноева ковчега, Юлиан Розенфельдт заполнил ее представителями человеческого рода всех мастей

остановите Землю, я сойду

инсталляция Юлиана Розенфельдта в Авиньоне

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ АВИНЬОН

Массированное германское нашествие на Авиньонский фестиваль не ограничилось привозом множества хороших спектаклей. Художественный директор берлинского «Шаубюне» Томас Остермайер, взявший на себя всю полноту ответственности за качество фестивальной программы, предъявил Авиньону своих единомышленников в искусстве, и оказалось, что некоторые из них далеки от театра. Как 39-летний Юлиан Розенфельдт. Местом своей видеоинсталляции «Убежище» он избрал старинную церковь XI века.

Вообще-то инсталляциями Авиньон не удивишь. Одна из них, к примеру, красуется за стеклом большого супермаркета, расположенного на главной улице города. В течение месяца витрина подвергается яростной мойке в режиме нон-стоп, а за стеклом — стандартный постер с двумя глянцевыми красавицами. Нестандартна лишь надпись на постере — вместо того чтобы рекламировать пылесос последней модели, богини коммерции предлагают праздному авиньонскому люду: «Было бы мило сделать что-нибудь политическое». Авиньон, впрочем, прекрасно обошелся без их совета — свободолюбивые французские забастовщики

и так обожают «делать что-нибудь политическое». Они частенько прохаживались по рю де ля Републик мимо этой витрины, и девушки должны были быть довольны. Инсталляция Розенфельдта оказалась не столь прямолинейна, хотя и в ней не обошлось без социального подтекста — ведь героями своих видеосюжетов он сделал иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Первое впечатление у человека, ворвавшегося из уличного пекла в холодок готической церкви, — страх. Кромешный мрак, убегающие из-под ног каменные плиты и звук далеких хоров, наполняющих пространство таинственным пением... Кажется, что ты попал в какой-то бесконечный лабиринт, хотя рассудком понимаешь, что это невозможно, — архитектура церкви селестинцев совершенно предсказуема и ничем не отличается от десятков других христианских храмов. Розенфельдт, который, к слову говоря, по образованию как раз архитектор, с селестинским пространством обошелся весьма искусно. Большие экраны подвешены таким манером, что зритель, неуверенно нащупывающий ногами пол, вынужден

медленно ходить по кругу. И точно на такой же замедленной скорости вокруг тебя кружат люди на экранах. Их механистичные движения, напоминающие о древних ритуалах, лишены всякого смысла, но тебе, погруженному в абсолютно сновидческую ситуацию, их престранные действия отчего-то не кажутся нелогичными. Турецкие женщины пылесосят кактусовый лес. Китайские повара, перебираясь по ветвям, медленно рвут бумаги. Зажав в ладошках тряпичные куклы, молодые африканцы медленно пробираются сквозь лес античных статуй и испытующе заглядывают в их слепые глазницы. Время от времени группки на экранах останавливаются и наполняют воздух хоральным многоголосием.

Метафора многоцветного человеческого рода, заплонившего собой руины старушки-Европы, работает, надо признать, довольно сильно. Вне зависимости от политических убеждений человека, попавшего в это «убежище», ему не унять головокружения. Порой кажется, что здесь вертится весь земной шар. И если кому-нибудь придет в голову прыгнуть шарик чуть сильнее, то тебя непременно стошнит.